

**Олег
ВОРОБЬЕВ**

г. Санкт-Петербург

Легенды архипелага

(Очерк о людях Валаама)

*Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?*

Омар Хайям

В 2001 году вышла книга «Валаамская тетрадь» (издательство ГУП Издательский дом «Руда и металлы», Москва). Автор Е.П. Кузнецов (Евгений Петрович). В дальнейшем на правах его хорошего знакомого и коллеги буду называть его Евгений, Женья, Жак.

К сожалению, Жени уже с нами нет, но книжка переиздавалась еще дважды. Состоит она из двух частей. Первая – добросовестное изложение истории монастыря, другая – воспоминания экскурсовода о людях, событиях и курьезах на туристской тропе. Жизнь Жени почти тридцать лет была связана с Валаамом. Пришел туда студентом, а ушел заведующим экскурсионным отделом. Прекрасно знал историю острова в изложении советской историографии, а в конце восьмидесятых познакомился с архивами Нового Валаама. При всей эрудиции по валаамоведению (это слово я придумал)

не чурался баек для туристов. Однажды, стоя у пруда на Воскресенском скиту, выдал:

– Вот пруд, а в ограде скита – колодец. Вода там чистый хрусталь. Она фильтруется через песок и шунгит, что на дне пруда, а затем по свинцовым трубам, проложенным монахами, поступает в колодец.

– Ох-х-х! – вздох восторга.

Чуть позже Петр Николаевич Вакулин, ведущий экскурсовод музея, слышавший эту тираду, сказал:

– Жак, ты что несешь?

– Да как же, Петр Николаевич, туристам нужны чудеса.

Есть еще любопытный рассказ.

Однажды теплоход не пришел по расписанию. Идет ли по маршруту или маршрут изменен? Неизвестно. Рация для связи отсутствовала. Экскурсоводы были отпущены. Спустя несколько часов пароход появляется. О, жуть! На борту более двухсот человек, а в наличии только два экскурсовода – Жак и Равиль Исхаков. Но справились.

Я знаю еще два таких случая. В одном участвовал сам. Это было в 1987 году. Тогда из хозяйственной части меня перевели на должность заве-

дующего отделом научной пропаганды, в обязанности которого входило и проведение экскурсий.

Теплоходы швартовались на баржу в Большой Никоновской бухте (причал ремонтировали). По радию я связался с диспетчером Приозерска и получил ответ, что теплоход в Ладогу не вошел.

Экскурсоводы были отпущены без указания времени начала экскурсии. Все разбежались. Благо погода была шикарная. Часа через два слышу: рация оживила. Теплоход идет. Я кинулся искать народ: ни души. Побежал на Желтый скит. Там один ведущий экскурсовод – Петр Николаевич. И мы вдвоем отправились к барже. Хорошо, что теплоход был двухдек (двухпалубный). Вакулин вооружился мегафоном, взятым у директора рейса, и повел на экскурсию... 140 человек! Мне пришлось ненамного легче. Я взял 100 оставшихся.

И экскурсию мы провели.

Надо заметить, что было правило: если экскурсовод пробыл на причале более 30 минут, а теплоход так и не пришел, то экскурсоводу ставилось проведение экскурсии и выплачивалась зарплата. Понятно, что дирекция не шла на такие расходы. Нет теплохода – экскурсоводов отпускали. Если же теплоход вдруг приходил, то ответственному за организацию экскурсий приходилось собирать их вновь. И тут, как результат, случаи неожиданного «героизма». То есть сколько соберешь экскурсоводов, не успевших покинуть территорию доступности, столько на каждого придется туристов. Замечу, что рекламаций по этому поводу не было. Пассажиры директора рейсов были предупреждены, что в случае опоздания рейса музей экскурсию не гарантирует. Но руководство музея все же старалось сохранить экскурсионное обслуживание.

Чтобы исключить подобный экстрим, в 1986 году в районе причала была установлена рация для связи с теплоходами и диспетчером в Приозерске. Диспетчер отслеживал передвижение всех плавсредств в акватории озера. Это давало временные ориентиры. Зная время опоздания, можно было перенести начало экскурсий.

Но вернемся к Е.Кузнецову. В предисловии к своей книге Евгений пишет: «...Есть одно явление, не остановить взор на котором просто невозможно. Столь оно значительно в нашей российской истории. Наименование этому явлению – Валаам».

Я же думаю, что Валаам не просто явление. Это данность в своем чарующем виде.

* * *

Острову тысячи лет.

Валаам...Валаам? Валаам!

Валаам вечен. Новгородцы, шведы, финны, россияне, монахи, миряне, туристы, большие начальники и простой народ – кого только не видел за многие столетия этот остров. Имена некоторых выбиты на каменных скрижалях Валаама, другие безымянны. Многие известны, пока их помнят живущие.

Над островом гул. Завораживающий звон. Гудят колокола собора.

На острове монастырь. Древен и многознатен.

Келейные каре, гостиницы для паломников, патриаршие палаты, золоченые главы церквей, высокая стройная колокольня.

На четыре стороны от монастыря – скиты. Одинокие, гордые, суровые, скрытные. Вокруг строеной броуново движение: монахи, паломники, туристы, миряне.

И молчащие скалы, лес, поляны, озера.

Все это вечное и преходящее вставлено в раму водной стихии. Вот кромка берега, а потом – стоп. Граница. Далее вплавь или по воздуху. На север и восток – Карелия. На запад – Ленинградская область. На юг – Санкт-Петербург. Люди, что на острове, из этих мест и прибывают.

Монастырь вековечен. Писателями рассказан и описан. Художниками прорисован. Композиторами воспет. Строили его знаменитости. Посещали высокие особы. Пережил войны и революции, гнет, мор и расцвет. Возвышается над Ладогой бессмертный, гордый, таинственный.*

Мое повествование о годах, которые если и не вычеркнуты из истории острова, то в современных описаниях звучат скороговоркой. Это время музея-заповедника: 1979 – 1992. Еще точнее, мой рассказ о 80-х.

* Желающих познакомиться с историей Валаама первоначально отсылаю к Википедии. Там приведено много источников. Здесь замечу, что в строительстве участвовали игумены Дамаскин, Назарий, архитекторы А.М. Горностаев, А.Силин, Н.Д. Прокофьев. На острове побывали и создали прекрасные произведения художники: И.И. Шишкин, Ф.А. Васильев, М.К.Клодт, А.И. Куинджи, Н.К. Рерих, Рокуэлл Кент; писатели и поэты Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой, И.С. Лесков, В.Я. Брюсов, Д.С. Мережковский; композитор П.И. Чайковский. По преданию, был на острове Петр I, что послужило возрождению монастыря после шведских бесчинств. Посетил его Александр II. В новейшей истории Валаама на острове были Б.Н. Ельцин, патриарх Алексий. Регулярно бывают на Валааме В.В. Путин, патриарх Кирилл.

С 1940 года и до создания музея* было время разрушения прекрасных ансамблей архипелага. Музей, начав свою большую работу по сохранению и реставрации памятников, охране окружающей среды, создал серьезный задел. Монастырь, пришедший на Валаам в 1991-м, получил пространство для жизни, деятельности и продолжения возрождения русской святыни. Но об этом забылось. У меня нет задачи рассказывать о трудностях быта и работы людей, посвятивших себя возрождению вековой истории Валаама, поднятию уникальной архитектуры из руин. Задача рассказать о людях, связавших частицу своей жизни с Валаамом. О людях, прикипевших к его красотам и невзгодам. О людях, по воле или случаю, оказавшихся на его берегах.

Автор

Я был приглашен в музей-заповедник в июне 1985 года. Тогда назначался новый директор музея – В.А.Высоцкий. Он собирал команду. Зная меня как организатора производства, позвал. Я согласился. Прибыл накануне Дня Всех Святых, который совпал с днем моего рождения. Вот знак так знак.

Назначили меня на должность заместителя директора по АХЧ. Забота о быте экскурсоводов и сотрудников, о транспорте, большом и малом, водном и сухопутном, помощь жителям поселка, благоустройство туристских маршрутов и троп. Все, что связано с немалым хозяйством музея. Для нагрузки избрали секретарем парторганизации. Трудно представить, но и на острове была руководящая и направляющая рука КПСС. Ерничая, меня называли генеральным секретарем компартии острова Валаам. В организации 7 человек на 400 беспартийных. А через год я был переведен на должность заведующего отделом научной пропаганды. Так назывался экскурсионный отдел. Это теплоходы, туристы, экскурсоводы, тексты экскурсий. Уже уйдя с острова, практически каждый год бывал там. Валаамский синдром – это навсегда.

Территория архипелага, как и Карелия, по итогам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. вошла в состав СССР.

Валаам 80-х годов прошедшего столетия был на пике своего возрождения. Пятна прошлого: интернат и турбаза были удалены с острова. Строения и скиты монастыря с 1950 по 1984 год использовались Домом инвалидов (Дом-интер-

нат инвалидов войны, труда и престарелых Карельской АССР). Сюда подальше от цивилизации были интернированы люди с физическими недостатками. Количество таковых переваливало за тысячу. Были среди них инвалиды прошедшей войны. В конце сороковых по приказу Москвы они были убраны с улиц городов. Негоже стране-победительнице зреть шрамы прошедшего. Рекомендую прочесть на эту тему Ю.Нагибина «Терпение» или посмотреть фильм «Время отдыха с субботы до понедельника». Валаамцы в этом фильме узнают много знакомых мест. А про турбазу сегодняшнее краеведение вообще замалчивает. Возникла она сразу после открытия экскурсионных маршрутов из Ленинграда. Любителей отдохнуть в сказочной природе было достаточно. Так рядом с капитальными строениями монастыря возник коттеджный поселок. Деятельность турбазы была несовместима с заповедностью территории. Ее упразднили.

Все основное – реставрация, природоохранная, просветительская деятельность, туризм – было сосредоточено в Валаамском историко-архитектурном и природном музее-заповеднике.

А вот хозяйственные структуры – лесхоз, ремонтно-строительное управление, дорожная, коммунальная службы подчинялись городу Сортавалу. Это вносило диссонанс в общую работу, но антагонизма не было. Министерство культуры Карелии вливало серьезные средства в бюджет музея, и работа по всем направлениям двигалась успешно. Кроме того, на острове для организации жизни и заботы о «населенках» – жителях поселка существовал поселковый совет.

Несмотря на советское воспитание сотрудников музея и полнейший атеизм, культовые сооружения острова: храмы, часовни, скиты возрождались в своем первоначальном виде. Отношение к ним было трепетное. Работали реставраторы из Карелии, Ленинграда, Москвы. Главным мотором этого возрождения была Татьяна Львовна Левиаш. Заведующая отделом архитектуры, строительства и реставрации. В 1989 г. ею написан путеводитель «Государственный историко-архитектурный и природный заповедник Валаам».

Такое же трепетное отношение было и к сохранности природы. Туристы не бродили по лесам и скалам острова, дабы не разрушать его хрупкую природу. Имелись строго выверенные маршруты

* Полное название: Валаамский историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

и туристские тропы. Шаг влево, шаг вправо – штраф для капитана теплохода, доставившего экскурсантов на остров. И они об этом знали. Пассажирская служба предупреждала. Купить на острове алкоголь? Никогда! Только для жителей, и то по строгому лимиту.

Музей сохранял необыкновенный симбиоз неповторимой природной среды и самобытной архитектуры русского зодчества.

Когда сегодня приезжаешь на Валаам, поражаешься обилию транспорта автомобильного, водного. Курсируют коммерческие такси, служители монастыря гоняют на джипах. Автопарк, по данным ГИБДД, насчитывает более 100 единиц. В районе Никольского скита стоянка шикарных яхт. Что касается водки и пива – залейся. Для меня, человека светского и советского воспитания, печально.

Люди Валаама...

Из глубины лет приходят они:

**Рудин В.В., Хохлов В., Бердяев М.Ю.,
Чупахин Б.Я., Вакулин П.Н., Свинцов А.М.,
Левиащ Т.Л., Кузнецов Е.П., Равиль Исхаков.**

**Их биографии еще хранятся
в различных архивах,**

**но в моих записках они вырастают
не как документальные единицы,
а как легенды архипелага.**

**Так и отнесемся к этим рассказам,
которые я назвал:**

«Легенды архипелага».

**Это рассказ и обо мне,
поскольку и я связан с этими людьми.**

Рудин

На остров я пришел в начале июня 1985 года. Поселили меня на Красном (Воскресенском) скиту.

Белые ночи, начинается зацветать сирень (на две недели позже, чем на материке). Здесь все позже. Даже зима. И дольше. А пока сирень и белые ночи. И вот среди ночи возникает звук: чик-чик-чик... пауза, и снова чик-чик-чик.

– Рудин, что это? Ты ж под самой крышей живешь, а звук оттуда.

– Это души монахов шепчутся. Жизнь свою рас-

сказывают. Да не каждый понимает. Вон у Равиля спроси.

Равиль тоже расположился под крышей. Еще тот шутник. Но подтверждает:

– Да, да. Шепчутся, только не каждый поймет. Надо здесь пожить, чтоб приняли за своего, и тогда все откроется.

Вот это правда. Надо пожить и проявиться, чтоб приняли за своего. А насчет шепчущихся душ – романтическая легенда. Мистика. А что все же чикает? Да это ж древесный жучок сверлит стропила. В ночной тиши и раздается этот цвиркающий звук.

Рудин – природно-карельский мужик. Школу окончил в Сортавале. Высшее образование получил в Петрозаводске по специальности «биология». Вернулся домой работать в школе. Сеять разумное, доброе, вечное. Учить любви к природе, иначе не скажешь.

Сортавала и Валаам крепко связаны административными, хозяйственными узами. Географической близостью и, конечно же, людьми, т.к. многие там работали на постоянной основе или сезонно. Побывать на необыкновенном острове считалось обыденностью. Так и Рудин, бывая там в каникулярное время, заразился вирусом Валаама.

Остров, на самом деле, очень серьезный магнит. Манит, притягивает он единожды здесь побывавших. Когда был создан Валаамский историко-архитектурный и природный музей-заповедник, в его структуре был отдел природы. Несомненно, место Рудина в отделе природы, как ботаника и географа, было закономерно. Это понимал тогдашний директор В. Черепанов. Найдя Рудина на турбазе, сказал:

– И что ты делаешь в школе? Учишь? Хорошо. Иди в музей. Здесь и научная, и практическая, и охранная работа. И учить будешь любви к природе не одну школу, а всю страну.

По службе, занимаясь природой, невольно соприкоснешься с мистикой, былью и небылью, с островными легендами. Рудин большой специалист, но еще и сказочник. И очень надежный. Крепкий, крупного телосложения и добрый по душе. На него можно положиться. Ежели что не так, предупредит. У него нет скелетов в шкафу. Искренность во всем.

Центральная усадьба, монастырь и поселок в шести километрах от Красного. Там дирекция музея и наши рабочие места. Ездим летом на мотоллерах, лодках или музейном автобусе «Кубань». Тогда из транспорта было: у музея автобус «Кубань» и микроавтобус УАЗ да еще трактор. У

строителей, лесников, дорожников – по трактору. Мотороллеры «Муравей» – два у музея, один у строителей. Два снегохода «Буран» – только у музея. Лодок моторных и гребных на все трудоспособное население острова было не менее пятидесяти. По данным сельсовета, на острове насчитывалось 400 постоянных жителей.

Еще у музея для сообщения с материком был небольшой каботажный флот в три единицы. У реставраторов – деревянный баркас, который через год эксплуатации утопили по разгильдяйству. И от СЗРП (Северо-Западное речное пароходство) в навигацию выделялся ОМ-472 (катер «Озерный Москвич»).

Когда заканчивалась навигация, сообщение с материком обеспечивал вертолетный отряд. Вся эта логистическая «армада» имела строгий режим эксплуатации. Сухопутный транспорт осуществлял внутренние перевозки и обеспечивал охранную, реставрационную, хозяйственную и социальную работу. Малый флот выполнял те же функции в каботажном плавании. Был случай, когда пришлось на борту принимать роды. А еще жить у воды и не ловить рыбку – нонсенс. Вот тут нужна лодочка. Если не моторка, то хоть гребная.

Всем музейным транспортом заведовал я.

Рудин вел природоохранные дела: прокладка экологических троп и маршрутов, санитарные чистки леса, учет летающих, ползающих, бегающих, прыгающих обитателей леса и водоемов. Все произрастающие, цветущие, пахнущие, съедобные, ядовитые, колючие, нежные, яркие, скромные обитатели валаамской флоры были его подопечными. В музейных выставках существовал раздел природы. Здесь можно было познакомиться с природой и обитателями леса. Для этого имелись образцы, фотографии и чучела братьев наших меньших. А чтобы сделать чучело, таксидермисту необходим спирт.

Это табуированное средство было в моем ведении. Право не знаю, сколько шло спирта на изготовление изделия, а сколько «на протирку инструмента», но все выдавалось под роспись. Спирт нужен и для маломерного флота: девиация, протирка приборов и прочее.

Спирт в условиях оторванности от цивилизации еще и жидкая валюта.

Использовался не всегда по назначению: расчеты за пилку, колку, штабелевку осиновых бревен, наваленных на причале для зимнего обогрева островитян. Флотилия доставала какие-то запасные части и агрегаты, которые за деньги не отдавали. Вот так однажды образовалась у меня не-

достача, за что штрафнули больше чем на месячную зарплату. «Доброжелатели» были, и сразу прошуршало: весь спирт выпил. Думаю, такую дозу и Бахус с компанией не осилил бы.

Кстати, об алкоголизации во времена музея. Как говорил В. Маяковский, «класс, он тоже выпить не дурак». Но с 1985 по 1990 год на острове был введен лимит на продажу алкоголя: один литр на семью в месяц. У председателя поселкового совета Елены Михайловны Хохловой жители и сотрудники музея, зимовавшие на Валааме, получали талоны, которые отоваривали в магазине. Пожилые жители использовали их как плату за пилку и колку дров. Любители напитка по назначению. Люди безразличные могли использовать как предмет обмена на нужные вещи. Во всяком случае, такое положение дел сберегло многие жизни от обморожений и других последствий коварной непогоды на Ладого.

Рудин, общаясь с природой, видел много ее особенностей и подвохов. Однажды говорит:

– Знаешь, при повороте за Глухим (озером), когда поднимаешься на горку, на тебя смотрит с левой стороны нечто. Чей-то глаз наблюдает. Думаю, это фантом острова тебя изучает.

– Да ладно!

– Будешь ехать – приглядишься.

Раненько утром, как всегда, отправляюсь в поселок на «Муравье». И вот Глухое, вот поворот, вот горка. Смотрю налево. О-о-о! Из глубины леса блеснул в глаза червонно-золотой луч. Блеск смягчился, но золотистое пятно вело меня, пока я смотрел налево. Добавил газа и вырвался из зоны «наблюдения». Мурашки бегали по спине. Мчался в поселок.

– Ну что? Видел?

– Да-а-а...

– Не дрейфь. Изучает. Если наш, вредить не будет...

И так каждый день, когда утро ясно и солнечно. Но и в мглистые дни что-то красное смотрело из леса. Однажды не выдержал. Остановил мотороллер на горке и пошел в направлении «глаза». Как же стало мне радостно и легко, когда передо мной открылась сосна с яркой красно-золотистой корой. Вот тебе и фантом острова. Но это надо было прочувствовать, прожить и приблизиться к пониманию Валаама. Да и людей тоже.

Были и еще природные приколы, испытанные на мне.

В начале июня на Валааме начинаются миражи. Смотришь на противоположный берег, и вдруг в озере появляется крепость с замком, очертания

поселения или остров со скалами поднимется ввысь.

– Перепад температур между зеркалом озера, воздухом и материком, – поясняет Рудин.

Но однажды я был изрядно напуган. Шли мы на двух моторках вдоль Скалистого берега. Вдруг из глубины глухой гул.

– Во! – кричит Рудин. – Это души монахов, загубленных шведами!

Было жутко, но все же на «души» я не повелся и попросил объяснить.

Явление это называется «бронтида». А еще есть «сейши». Глухие, раскатистые звуки, идущие со дна озера, – бронтиды. Явление до конца не изученное. Предполагается, что это предвестник сейшей. Сейши – стоячие волны. Возникают в замкнутых или частично замкнутых водоемах под воздействием атмосферного давления ветра, сейсмических явлений – таково научное объяснение. По поводу же загадочного гула говорят так: источник – быстрые перемещения воды в придонных областях. В этом районе дно – практически обнаженный гранит и имеет «гребенчатый» профиль, что-то вроде мелких и острых дюн. Подводные течения, проходящие через такую «расческу», и производят низкий однотонный звук.

Рудин, как уже сказано, пришел на работу в музей заведующим отделом природы. К сожалению, сегодня это большая и нужная работа сведена на нет. Структура больше не существует. Последний руководитель природного парка Сергей Недошин умер в октябре 2018 года. В 1992-м произошла ликвидация государственного музея. На базе его созданы Музей Северного Приладожья и Валаамский музей-заповедник, преобразованный затем в Валаамский научно-исследовательский, церковно-археологический и природный музей-заповедник. И заместитель директора по науке Владимир Васильевич Рудин стал последним директором музея. Он и сейчас живет и работает на острове. Это золотой фонд карельских специалистов, заботящихся о сохранении истории, природы, богатств малой родины.

Успехов и здоровья тебе, Володя!

Хохлов

Вечер начался по расписанию. Теплоход «А.С.Попов» в 21 час отвалил от причала Речного порта Ленинграда и пошел вверх по Неве к загадочной Ладогe. Приход на Валаам ожидался в восемь утра. Пригласили на ужин. Потом началась пу-

тевая радиоэкскурсия. На верхней палубе трудился массовик-затейник. В салоне танцы-шманцы.

Со всех сторон белая ночь. Белый пароход, белая река, белое небо, и вот вдаль, справа по борту, появляется серое пятнышко. Оно приближается и вырастает в строгого стража всего, что окрест и ниже по течению. Шлиссельбург. Крепость Орешек. Она всеми своими башнями смотрит на проходящих глазами строителей, воинов, загадочных узников. Сторонясь этого сурового взора, теплоход выходит в Ладогу. Ночь светла и загадочна. Впереди таинственный остров. На горизонте появляется темная волнистая полоса. Ближе, ближе, и вот Скалистый берег. По отшлифованной вертикали скользят солнечные лучи. Берег короной накрывают сосны. На их фоне белеет домик в окружении мачт. Радиостанция? Нет. Метеостанция. Усики антенн щупают погоду вокруг архипелага. Капитан командует: «Право руля!», и пароход входит в узкую протоку меж островами, слева по борту оставляет бакен-маяк и плавно швартуется на причал Большой Никоновской бухты.

Первый, кто встретил меня на острове, был Володя Хохлов. В восемь утра на причале Никоновской бухты, где швартуются большие теплоходы из Петербурга, Москвы, Перми, Казани и других волжских и камских городов, ждал меня бородастый, крепко сбитый, очень серьезный мужик. Пока береговой матрос подбирал и заводил швартовы на кнехты, мы, интуитивно определив друг друга, перебросились приветствиями, и я сошел на причал. На камушках сидели люди с папками.

– Экскурсоводы, – пояснил Владимир.

Матрос (это был Равиль Исхаков) и экскурсоводы разглядывали меня – незнакомую личность, доброжелательно встреченную Хохловым. Видимо, были проинформированы о моем появлении.

По крутой тропе поднялись в ограду Воскресенского скита. На местном наречии – Красного. Справа церковь, слева двухэтажный корпус, рядом колодец, прямо два здания с мезонинами. Все – красного кирпича. Вот тебе и Красный. У забора пьянящим дурманом цветет черемуха. Тишина, звенит воздух невероятной синевой. Из хозяйственного корпуса выскочила собака, и за ней появилась фигура в ватной фуфайке, брезентовых штанах, заправленных в резиновые сапоги, с мешком на плече.

– Здравьете!

– Харлашкин*, истопник, – усмехнулся Хохлов.

* А.П. Харлашкин жил и похоронен на Валааме.

Подробнее о нем в книге Е.Кузнецова «Валаамская тетрадь».

Мне было показано жилье и проведен краткий экскурс. Двухэтажное здание – келейный корпус. Жилье экскурсоводов и мое. Прямо за ним дом с мезонином – ранее резиденция иеромонаха, начальствующего на скиту. Правее – хозяйственный или банный корпус. Тут бельевая комната, баня, в которой и обитал истопник. В мезонине тоже комнатки для временных обитателей.

– Я поехал, – сказал Володя, садясь на грузовой мотороллер «Муравей». – Чуть позже подъеду, или ты приходи. Спросишь меня – покажут.

Я был человеком, который приходил на смену Владимиру Михайловичу Хохлову. Именно он был заместителем директора музея-заповедника. Причину ухода так никто мне и не озвучил. Думаю, причина одна. Владимир был достаточно самостоятельный человек, и находиться под началом кого-то ему было не очень комфортно.

Через скит прошли группы туристов, с восторгом осматривая монастырские строения под завораживающие рассказы экскурсоводов. Наступила тишина.

Проникшись условиями келейного быта, пошел осматривать территорию. Посреди скита колодец со святой водой. Пишу без кавычек, потому что чистота ее и вкус действительно райские. По-настоящему святая вода. Колодец пробит в скальной толще. Кроме того, что снабжается подземными источниками, пополняется еще и конденсатом, как слезы стекающим по скальной поверхности. Совсем не так снабжается, как повествовал Жак Кузнецов в рассказе туристам. Колодец закрыт крытым конусом с дверцами на замок. От нерадивых посетителей. Справа от колодца храм во славу Воскресения Христова с приделом Андрея Первозванного. Делится на верхнюю и нижнюю церкви. В глубине нижней кувюкилия – мраморный склеп: подобие гроба Господня. Все строение из красного кирпича, поэтому скит на валамском сленге зовется Красным.

Вышел за ограду. Погода – на заказ. Со смотровой площадки панорама Ладоги. Стоит полный штиль. Шхеры – яркая, сверкающая россыпь одетых лесом каменных островов, островков, а то и просто валунов, пригвожденных одинокой, как свеча, сосной. Сосна, камень, вода, небо. До бесконечности. Зеленая вода, светло-серый камень, медно-оранжевые стволы, сизая хвоя. Низкорослое, корявое, искривленное дерево вцепилось в одинокий валун, пронизав его корнями, словно когтями, и чудится, что оно вот-вот взлетит вместе с добычей, подобно коршуну. Сосны сжились, срослись с камнем. Северная сказка.

Однако время движется, и в желудке урчит. Хохлова нет. Пойду сам навстречу. Дорога к поселку сказочная и прекрасная. Пихтовая аллея ведет вверх, и сразу спуск вниз к журчащему потоку. А далее места библейской терминологии. Я иду от Нового Иерусалима к Гефсимании через Кедронский поток. Как открывается театральный занавес, так отступают пышные лапы пихт, и передо мной Гефсиманский храм. Деревянный. Желтый. И скит называется Желтым. На территории дом иеромонаха, келейный корпус, на берегу озера, названного в память Никона, и часовня в его память. Патриарх-реформатор похоронен во Владимирском Новоиерусалимском монастыре, но и здесь ему много посвящений. Большая Никоновская бухта, куда прибывают теплоходы. Малая Никоновская бухта: за корпусами Желтого скита с поклонным крестом. Часовня, озеро и за скитом Никоновское поле, предназначенное под сенокос. Слева от скита гора Елион с часовней, под горой Гефсиманский сад. Иду далее мимо гранитных столбов на месте мощных ворот, стоявших при входе-въезде на территорию библейской местности. Через Никоновское поле, мимо озера Лещевого, по Тихвинскому мосту, перекинутому через Иордан. Иду, и будто дорога говорит со мной. Разговаривает своими двумя сторонами о своей дорожной жизни. Вот мосток. Разбит, развален. Пешком пройдешь. Машина, трактор пока тоже проезжают, но до поры. Кричит, просит ремонта. Дорожный мастер: денег нет. И это в моей должности стало первой заботой. Найти средства. Вскоре мосток стал мостом.

От Красного до поселка шесть километров. Незаметно пройдя путь, попадаю словно в театральный зал. За поворотом открывается поразительное по своей красоте зрелище. На возвышенности Спасо-Преображенский собор. Вниз шагает мраморная лестница, продолженная дорожкой, ведущей к причалу монастырской бухты. По сторонам две часовни и каретный сарай. Здесь же памятник, совсем не связанный с историей монастыря. Связан он с трагедиями войны – Великой Отечественной. Памятник морякам Ладожской флотилии. На выложенной плитами площадке, под сенью многолетних пихт из гранитных блоков воздвигнут монумент (раньше на этом месте стоял странноприимный дом, возведенный по проекту А. М. Горностаева). На его лицевой стороне закреплен морской якорь весом 450 килограммов. Памятник установлен в 1975 году, автор проекта – сортавальский архитектор В. В. Еловков.

Но вернемся к Володе Хохлову.

Подхожу к лестнице. Сверху по дороге слышен стрекот приближающегося мотороллера. Затем треск, вскрик и тишина. Бегом по дороге. Стоны. Зрелище не для слабонервных. Мотороллер на боку. Володя в кювете.

– Володя!

– Мишка! Доктор! В Зимней... – стонет он.

Я б не разобрался в этих непонятных восклицаниях. Но тут появился кто-то из местных. И быстро был найден в Зимней гостинице доктор Михаил Юрьевич Бердяев. Носилки – и на причал. Ох, и тяжел ты, Владимир Михайлович. У причала музейный катер «Волна». Механик Василий Иванович уже запустил двигатель, а капитан Голяшов Борис Никифорович встречал аварийную процессию у борта. При таких обстоятельствах познакомился с двумя сотрудниками своего хозяйства. И с доктором.

Михаил наложил тугую повязку на ребра в порядке первой помощи. Нужен рентген и травматолог. Это на материке. Два часа ходу. Володя на палубе на носилках.

– Дай сигарету.

Затянулся.

– Так легче... К тебе ехал. Надо ж ужином накормить, да и поговорить. Теперь сам разбираться будешь. Но кое-что расскажу.

Два часа, с паузами на преодоление боли, Володя вводил меня в курс хозяйственной кухни музея. В Сортавале у причала ждала машина скорой помощи. После всех медицинских исследований объявлен диагноз. Пять сломанных ребер. Будь Владимир более легкой весовой категории, переломов было б меньше. Главное – голова цела.

Так начался мой первый рабочий день в музее-заповеднике.

Володя Хохлов прожил с семьей на острове до двухтысячных годов. Жена, Елена Ивановна, была учителем, а потом председателем поселкового совета. Дети выросли, выучились и находятся на правильном пути. Живут они, как и до прихода на остров, в Москве. Но каждый год Владимир Михайлович появляется для встречи с прошлым, в котором им сделано много хорошего.

Валаам зовет!

Левиаш

Рассказывая о людях Валаама восьмидесятых годов прошедшего столетия, наблюдаю закономерность. Единожды побывав на острове, они связывают с ним жизнь или частицу ее. Так было и в

стародавние времена, так было в недавнем прошлом, есть это в сегодняшней жизни, и так, видимо, будет всегда. Валаам вообще имеет такую особенность – он людей притягивает. Заякоряет. Приедет человек раз, другой... Потом, глядишь, каждое лето его сюда как магнитом тянет. Сюда много интересных людей ездит. Вот еще одна легенда.

Имя Татьяны Львовны Левиаш в Карелии известно. Не только в профессиональных кругах. Ее книги знакомят школьников, студентов, специалистов, краеведов с историей республики. Фундаментальные исследования по Валааму и Кижам являются весомым вкладом в академическую науку истории страны. Но личность ее остается в тени местного безразличия. А ведь это человек мощной энергии, неуемный в познании, верный служитель делу, к которому призван. Во всяком случае, таковой была и такой ее знали реставраторы и инстанции, связанные с реставрацией валаамских памятников.

Строитель по образованию, выпускница Петрозаводского университета, работая преподавателем, стала экскурсоводом. И во время летних отпусков водила экскурсии по острову. Это еще в семидесятых. В 1982 году была приглашена на работу в музей-заповедник на должность заведующей отделом реставрации памятников. Здесь хочу отметить значимость первого директора музея – Черепанова Валентина Александровича. Его точный глазомер при подборе специалистов на руководящие посты заповедника. И здесь он не ошибся. Татьяна Львовна работала весь период существования музея. Ее знали реставраторы Москвы, Ленинграда, Петрозаводска. Ее стараниями памятники Валаама возрождались по строгим технологиям. Много нервов потрачено на конфликты с реставрационным участком, которому сначала нужно было гнать план, а качество – потом. Левиаш – стойкий боец за правое дело исторической достоверности. Был на ее экскурсии. Это большая редкость. Только для специалистов и значимых комиссий. Кроме эмоциональной составляющей, исторического аспекта, слушатель приобщается к знанию русской архитектуры. Узнаёт о стилях, их развитии и богатстве. И все это на примере памятников Валаама. Тут же идет рассказ о правилах и методах реставрации, их особенностях и сложностях в условиях островной цивилизации. Если и есть человек, который более всех вложил в возрождение монументальности архитектурной истории архипелага, то это она – Татьяна Левиаш. Скромный заведующий отделом. Был, правда, еще заместитель директора по

строительству и реставрации. Но это случайная фигура. Следов, кроме строки в ведомости по зарплате, не осталось.

Всех, кто жаждет знаний по истории и возрождению валаамских святынь, отсылаю к книжке Татьяны Левиаш – «Валаам. Путеводитель»*. Там все, что надо знать, в период от начала реставрационных работ до передачи острова Церкви. С момента прихода монастыря складывается другая концепция и другие подходы. Спорить невозможно, согласиться тоже. Монастырь считает, что только с его приходом началось возрождение. Церковное – да. Но ведь и всё остальное вычеркнуть из истории нельзя.

Новая концепция реставрации памятников Валаама не совпадала со взглядами Татьяны Львовны.

Так моя героиня рассталась с архипелагом и пришла на Кижы, где была востребована как специалист. Также ею написана вступительная статья к фундаментальному изданию Национальной библиотеки Республики Карелия в рамках программы «Память Карелии»**.

Бердяев

Рыбалка в акватории острова сказочная. Практически круглый год. Здесь и лосось, и сиг, и форель, и корюшка с ряпушкой, сазан, налим и чисто валаамская рыбка – паляя. Брюшко всегда имеет розовый оттенок, а спинка может быть серой или синеватой. Форма ее напоминает стрелу. Икра ярко-желтого цвета. Однажды наблюдал, как икру только что выловленной рыбки выложили в банку и посолили. Через тридцать минут был готов деликатес.

Московский житель Миша Бердяев – большой любитель рыбалки. А все началось с турбазы.

Турбаза на Валааме не была рассадником добродетели и высокой морали, но пользу принесла тем, что подарила острову нескольких нужных специалистов. Они, как Михаил, поначалу приезжали отдыхать, затем оставались поработать в сезон. Некоторые задержались надолго, как Равиль Исхаков, Володя Хохлов, Володя Рудин...

Мише до первого приезда на Валаам столько воды и леса видеть не доводилось. А когда приехал и увидел почти дикую природу Валаама – заболел островом, стал приезжать каждый год, в сезон работать.

Как-то, сидя на берегу, Бердяев бросал спиннинг. К берегу спустился директор только что созданного музея-заповедника Валентин Черепанов.

– Как рыбалка?

– По-разному.

– Михаил, я тебя не первый год наблюдаю в наших краях в сезон. Не надоело на турбазу ботрачить за возможность порыбачить?

– Так не сложно. Зато сколько восторга.

– А нам в поселок доктор нужен. Музей штат для амбулатории выбил. Пойдешь? Но не на месяц.

Так доктор с московской пропиской аккредитовался на Валааме. Штат небольшой: врач, стоматолог, медсестра, санитарка. От рождения до излета жизни поселковое население было под контролем Михаила Юрьевича. Если вдруг сами не справлялись, отправляли пациентов на материк. Авторитет и уважение у доктора были непререкаемы.

Шли годы. Работа была нужная, но достаточно рутинная. Не было высокого врачебного пилотажа. Потянуло в цивилизацию. Растворился в московском многолюдье. Но фамилия Бердяев на острове известна. И по его делам, и по скромной хранильнице архива музея Татьяне Бердяевой. Бывшая жена, бывший экскурсовод, работник фондов музея, сегодняшний хранитель истории.

Равиль

27 мая 1964 года состоялся первый рейс на Валаам теплохода «Родина». Теплоход швартовался в Большой Никоновской бухте, и от Красного скита начиналась экскурсия. На борту находилось несколько экскурсоводов Ленинградского бюро путешествий и экскурсий. Среди них был и Равиль Исхаков.

Равиль – одна из самых экзотических фигур Валаама. Студентом появившись на острове в роли экскурсовода, связал свою жизнь с ним до своего трагического конца. Специальность, полученная после окончания Ленинградского университета, тоже экзотична: французская филология. Со знанием языка, литературы, истории страны, столицу которой «увидеть и умереть», можно было стать уважаемым человеком. Иметь непыльную работу и жить в комфортной среде. Но Валаам... Если остров «почувствовал», что человек его ве-

* Т.Л. Левиаш. Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Валаам». Путеводитель. 1989, изд-во «Карелия», Петрозаводск.

** Валаам. Библиографический указатель литературы. Составители: М. Ю. Ванчурова, И. И. Засекова, Е. Н. Кутькова, В. А. Ягодкина. Издание: Национальная библиотека Республики Карелия, 2007.

ры, – не отпустит. Так адепт французской культуры прописался на острове русского православия.

В 1967 году на острове открылась турбаза. Экскурсоводы получили достаточно комфортное жилье и регулярное питание. Турбаза освоила самое оживленное место – Воскресенский скит, хотя слово «скит» для тех времен подходило не очень.

Равиль работал экскурсоводом, поваром, торговым работником, снабженцем, директором турбазы. Когда турбазу расформировали и пришел музей, для него нашлась эксклюзивная должность: береговой матрос. В обязанности входило: встреча и проводы туристских теплоходов, швартовка и отправка. Подрабатывал фотографом. А желающих фотографироваться было через край.

Оптимизм, фонтан розыгрышей – самые яркие стороны натуры Равиля.

– После шести есть? Ни-ни!

Так он пропагандировал здоровый образ жизни. Хотя был замечен в злоупотреблениях. Ближайшей мечтой было приобретение автомобиля «Волга». Мечта сбылась, да вот поехать долго не пришлось. Онкология доконала. Да и семье это приобретение счастья не принесло. Сын Равиля Архип, молодой, красивый парень, погиб в автомобильной катастрофе. За что так жестоко провидение обошлось с людьми, служившими острову? Может, душа острова знает то, что нам недоступно, и вершит судьбы людей, соприкасавшихся с его тайнами?

Свинцов

Из рассказа Анатолия Свинцова.

Зима. Декабрь. Ледяное поле. Торосы. Полыньи. Лдины скованы, словно цепью. Солнышко светит, но греет не очень. Пошли пятеро на рыбалку. Черников Михаил Егорович, заведующий клубом, и Николай Исаков, строитель. Два заядлых рыбака – взрослые крепкие валаамские мужики. С ними Толя Свинцов, Витя Кузнецов – двадцатилетние ребята, и ещё парнишка лет шестнадцати.

Ветерок свеж, но терпимо. И вот беда – льдину оторвало и понесло. Полынья увеличивалась. Паники не было, но и спокойствия тоже:

– Давайте, пацаны, раздевайтесь, плывите, – скомандовал Черников мне и Витьке. – Сами спасетесь – нам помощь приведете!

Выбравшись из ледяной купели, ребята вдвоем,

практически голышом, бежали три километра до крайнего домика поселка.

Помощь пробовала пробиться на лодке к льдине, но лодку затирали льдами, да и стемнело. На следующий день прилетели вертолеты, но поиски были безрезультатны. Молчала ледяная Ладога, храня свои тайны.

Трое погибли. Спаслись Витя Кузнецов и Толик Свинцов. В последующем первый мэр острова.

Как рассказывал Анатолий Михайлович: «Когда прыгнул, вода была как кипятки. Бежал в трусах, майке и валенках. Майка примерзла, а валенки потом никак не мог снять. Обледелели и сели».

Но погибнуть ангел-хранитель не дал.

Свинцов говорит о себе так: «Кем я только тут (на острове) не был: разнорабочим, экскурсоводом, директором Дома культуры. Поступал в мореходку, потом в университет».

Но по жизни выпускник Валаамской восьмилетки более всего любил созидание, возможность создавать что-то новое. Строить. Так он стал начальником строительного участка на острове. Не только руководил, но и сам трудился. Сначала на ремонтно-строительных работах, а когда началась реставрация, участок занялся восстановлением исторических памятников.

Руки у Анатолия мастеровые. Особенно ему нравится выделывать всяческие лепные украшения: откосы, карнизы.

Был он неравнодушен ко всему, что происходило на острове. Как работал музей, как шла реставрация, как живут островитяне, к которым и себя причислял. Со временем пришло понимание: если не можешь помешать происходящим негораздам, надо встать во главе их и исправить. Так стал мэром Валаама.

Он помнил времена, когда земля на острове обрабатывалась, молока хватало на всех. Картошки, свеклы, капусты, турнепса было в достатке. Яблоки и вишни не были редкостью. Даже абрикосы водились. Так хотел, чтоб островитяне были всем обеспечены.

Худощавый, жилистый, беловолосый, невысокого роста и внешне неприметен. Но заряд созидательной энергии, живший в Анатолии Михайловиче, был притягателен. Люди тянулись к нему. Стоило появиться на территории, народ засыпал вопросами, просьбами: Анатолий Михайлович... Анатолий... дядя Толя! И всем он отвечал, старался разрешить возникающие проблемы.

Последний раз я встречался с ним в 2001 году. Пришел на остров в качестве вольного посетителя.

Кабинет мэра располагался на втором этаже

внешнего каре. Зашел, тепло поздоровались. Он вроде и не изменился. А не виделись мы давненько. Но что-то основательное перегружало внешний облик хозяина острова. Может, весомость должности и мера ответственности? Думаю, что так. Но разговор получился самый душевный о прошлом, сегодняшнем, о людях живущих и покинувших Валаам. И, конечно, об эволюции территории от появления дома инвалидов до сегодняшнего дня.

– Знаешь, это длинная история. Часть ее ты захватил. Началось все в шестидесятых, когда начали ездить сюда ленинградцы. А до этого вроде и не знали, что такое Валаам и где он есть. Стали приходить теплоходы. Сначала по одному, потом по два. Помнится, тоже водил экскурсии. Шесть километров ходил с группой четыре часа. Хватало времени поговорить и про историю, и про природу. Рассказывал о рыбалке, какая рыба водится. Народ не дышит, словно замороженный. Внимательная публика. Ты-то уже застал времена, когда теплоходов сразу по четыре у причала стояло. Да с разных пароходств. И с Волги, и с Камы, из Москвы, и само собой наши – невские. В общем, начал все Ленинград, а в Петрозаводске, хотя это карельская территория, только догадывались, что где-то там есть Валаам. Знаешь почему? Потому что в казну текло по десять копеек с туриста. Потом-то через телевидение, радио, газеты поднялся бум и все зашевелилось. Вот и занялись островом. Турбазу выселили, инвалидов перевезли на материк, создали музей-заповедник. Теперь вот монастырь. Приглядываюсь к новому хозяину. Главное, людей защитить.

Свинцов имел в виду социальную защиту. Помощь пожилым и нетрудоспособным. Предоставление жилья тем, чье жилье во внешнем каре и зимней гостинице должно было отойти монастырю. Планировалась даже постройка коттеджного поселка для постоянных жителей. Может, и защитил. Но всё, что хотел, – успел. Скончался скоропостижно в возрасте 55 лет. Светлая ему память.

А память об Анатолии Свинцове жива. Много хорошего сделал он для сохранения истории Валаама и для его людей.

Чупахин

Одной из легендарных личностей острова остается Борис Яковлевич Чупахин.

Знакомство наше случилось, условно выра-

жаясь, при форс-мажорных обстоятельствах. Как-то июльским вечером заглянул ко мне директор музея-заповедника и пригласил в свою «келию».

– Знакомься. Чупахин. Начальник метеостанции*.

– В прошлом, – ответил новый знакомец.

– Олег, – сказал я.

– Борис, – рукопожатие было искренне крепкое. Я его поддержал.

Посидели, поговорили, и вдруг:

– Вот заявление о выходе из членов КПСС.

Я тогда был секретарем парторганизации на острове.

Причины Борис приводил самые банальные: возраст, плохо вижу, пользы общественной от меня мало.

Действительно, зрение у него садилось, как результат застарелой травмы. Он уже не мог управлять станцией, и ему прислали замену. Метеостанция** была смыслом его жизни. Смысл из жизни ушел.

В назначенный день на заседание парткомиссии Борис, директор музея и я на старенькой «Волне», доставшейся музею в наследство от дома инвалидов, пошли в Сортавалу. За двухчасовой переход была изложена краткая биография отставного начальника старейшей на Ладоге метеостанции.

Это был рассказ потерявшего себя человека. По жизни Борис человек-скала, да еще и романтик в свои не юные годы. Это морское прошлое. Море сурово, и случилась беда. Травма и бо-

* Вот как описывает свою встречу с Борисом в книге «Прогулки по Валааму» В.Исаков: «Редко кто заглядывает в эти места. Но тот, кто заглянет, вряд ли может рассчитывать, что ему, как это бывает в безлюдных местах, будут здесь рады. Крепкий, коренастый начальник метеостанции встретит вас хмурым взглядом.

– Между прочим, это не туристский объект. Я туристов тут палкой гоняю...

Прямо скажем, характер у начальника метеостанции не слишком приветливый и гостеприимный. Посторонних здесь встречают довольно колюче. Но, как это часто бывает, при ближайшем знакомстве вам открывается человек со смелой и поэтичной душой. Если разобраться, человек очень добрый и мистический».

** Первые метеонаблюдения на острове относятся к 1859 году. Географическим департаментом Морского министерства был открыт гидрологический подпост, который является вторым по давности в бассейне Ладожского озера (первый в районе Шлиссельбурга). Работали на нем обученные азам гидрологии монахи Валаамского монастыря. В 1874 году Главная физическая обсерватория создает сетевую метеорологическую станцию. С паузами на военное время и лихолетье станция не прекращала своей работы.

лезнь. Жажда жизни на водных просторах и романтика привели моряка в 70-е на остров. Ладогу считать морем – повелел великий морской романтик Петр I*. И это так. Ладога может быть тиха и светла, но бывает угрюма и свирепа. По этому переменчивому пространству плывет Валаамский архипелаг. На «борту» и производственный коллектив метеостанции – Борис и его жена Тоня. Более десятка лет отдали ребята службе среди вод, скал и ветров. Служение стихиям закончено, а Валаам не отпускает. Это магнит. Притягивает прочно.

Прошли годы. На продуваемом всеми ветрами мысу по-прежнему стоит дом. Скала и сорокаметровый обрыв. Большая стеклянная веранда с видом на озеро-море. Перед домом площадка с устремленными вверх мачтами и загадочными приборами. Здесь происходит таинство улавливания погодных прогнозов. Рядом сарайчик и банька. Даже когда снаружи ветер закручивает сосны в штопор – внутри уют и тепло. Только в доме том новые хозяева.

В полукилометре от станции избушка, выкрашенная в голубизну. По тропе от Воскресенского скита идет к ней человек в ватнике, с рюкзаком на плече. Идет уверенно, но как-то сторожко. Ноги будто щупают дорогу. Я стою у лесной избушки. Вот и он остановился метрах в двадцати.

– Кто?

– Привет, Борис.

– Олег?! (Вот ведь, совсем слепой, а определяет точно.) С парохода? И я был на причале. Разошлись?

– На Красный** заходил. Видимо, и разошлись.

Все команды туристских теплоходов знали Бориса. Или передачи везли с материка, или кухонный персонал подбрасывал продуктов. Морское братство неколебимо.

– Чайку попьем?

– Можно, и не только...

– А что, принес?

– Принес.

Заходим в домишко. Хоть дом и небольшой, в рост стоять можно спокойно. Все устроено рационально. Небольшие сенцы с хозяйственной утварью. Комната, где все под рукой. Справа от входа печь с конфорками. Сложена добротнo. Для готовки и обогрева. Тут же полки с посудой и продуктами. Далее по прилегающей стене холодильник, удобная лежанка и ниша. В ней одежда для каждого времени года и погоды. У следующей стены низенький столик с приемником, пепельницей и всякой канцелярией. Просторный диван. В четвертой стене окно и вдоль ее три табуретки и

всякие ящички с нужными вещами. В центре комнаты большой стол. И если глаза хозяина хорошо всего не видят, то руки знают где и что. Это ментально начинает доказываться. Разжигается плита, ставится сковородка, жарится яичница с колбасой. Из сеней приносится подсолненный сиг. Режутся помидоры и огурцы (это с парохода).

– Ну, давай за встречу!

Потом разговоры. Вообще-то, ни о чем. Как жизнь, дела. А что дела?

Вот напротив хижины возвышается остов монументального строения. Этажа на два с половиной. Есть официальное разрешение на строительство с визами и печатями. Фундамент – бетон бывшей казармы финского гарнизона. Стройка для жены и дочери, чтоб летом жили и наслаждались островным раем. Хоть наездами, но бывают, однако стройка эта им ни к чему. Уговаривают бросить и уехать. Но упрям Борис. Сам, конечно, при слепоте и отсутствии техники не потянешь, но есть и помощники. Не бескорыстные, однако. Тракторист лесину притянет. Обтесывает Борис сам. Поднять, поставить встык помогут. Так дело и двигалось. Последнее дело отчаянного романтика...

Но до конца довести его не случилось.

В начале двухтысячных съехал Робинзон с острова. Здоровье требовало цивилизации. Стоит заброшенный остов как памятник создателю, стоят и руины домика. А хозяина нет. Иссякла бешеная энергетика, рухнули планы, не поддержанные близкими. Закончилась упорная борьба с суровым окружением обители отшельника.

На острове по-островному. По-прежнему поднимается солнце, всегда прекрасное, всегда необыкновенное. Над островом прокатываются весны и зимы, всегда прекрасные и необыкновенные.

Борис Яковлевич, ты Родине служил и на флоте, и на метеостанции. Рядовой гражданин страны, ничем особенным тебя не отметившей. Но без тебя и миллионов таких, как ты, страна не проживет. Мы ей нужны. Не знаю, увлекался ли ты Джеком

* Это выражение связано с указом от 18 ноября 1718 года Петра I. В нем сказано: «Какой великий убыток на вся годы чинится на Ладожском озере от худых судов, и что одним сим летом с тысячу судов пропало...» Бурные воды Ладоги напоминали морские штормы и бури.

** В валаамском быту скиты называют сокращенно. Воскресенский скит – Красный, скит Всех Святых – Белый, Гефсиманский скит – Желтый, скит Иоанна Предтечи – Предтеченский, скит Николая Чудотворца – Никольский и т.д. по цвету строения или имени Святого.

Лондоном, но жажды жизни тебе не занимать.

Надо бы навестить Валаам. Пройти по тропе, что ведет к станции. Посмотреть на сосну, где остались следы гнезда финской «кукушки» (снайпера), увидеть следы твоего пристанища на острове. Тебя уж нет, а Скалистый берег помнит. Светлая тебе память, скромный насельник Валаама.

...И другие

Глава названа так не потому, что рассказываю о менее значимых людях. Просто трудно вместить судьбы всех, кого знал, в журнальный формат. Знал многих, но не со всеми судьбами знаком. Это и первый директор музея-заповедника, и скромные жители поселка, работавшие в музее младшим техническим персоналом. Это команда малой флотилии, водитель, тракторист. Сотрудники отделов музея. И самый большой коллектив – экскурсоводы. Все это достойные личности.

Среди экскурсоводов было два, несомненно, талантливых художника. Это Анатолий Куршин и Сергей Бусахин. Появились они на острове в 1985 году, а с 1986-го стали водить экскурсии. Работа эта для них была поводом для официального нахождения на острове. Главным же было творчество. Творчество, возникшее из любви к Валааму во всех его сущностях. И они фанатически трудились. Добросовестно и даже под аплодисменты туристов отработывали экскурсии. Закончив и быстренько перекусив, бежали на этюды в любую погоду. По характеру они абсолютно разные люди. Сергей спокоен, уравновешен, рассудителен.

Анатолий, вспыхивающий сангвиник, шутник, любивший поерничать, но с крепкими нервами. Разность полюсов – это притяжение. Вот они и были вместе: делили быт и делились творчеством. Приведу один эпизод. Для Куршина идеалом был Микеланджело. Сергей однажды рассматривал коллекцию рисунков великого мастера. И в голову пришла мысль: так нельзя рисовать. Эта фантастическая экспрессия, идеальная пластика линий человеческого тела – подражание действительности. Попасть под влияние этих гениальных творений легко человеку с тонкой психикой. Но ведь это анатомический атлас, а не произведение искусства. Это заимствование и холодный расчет. Искусство же – поэзия, музыка. Полет над действительностью. Приношение людям реальной жизни в живописном исполнении. И вот эти

мысли Сергей изложил другу. О-о-о-о! Было извержение вулкана. «Как?! Микеланджело подражатель?! Да твой Ван Гог ничто!» Ураган возмущения бушевал, но постепенно стих. Дружба и творчество продолжались. Картины ребят побывали на многих выставках. Есть они в музеях Карелии, в запасниках монастыря и в частных коллекциях. Я не искусствовед, но могу смело сказать, что писали они похожие пейзажи, а манера у каждого своя. Толя был более экспансивен и мог сказать: «Да что там Шишкин! Посмотри, как я вознес Валаам!» Насчет Шишкина спорить не буду, но то, что Анатолий Куршин – певец Валаама, это действительно так.

Не менее пяти десятков художников побывало на острове с пятидесятих годов прошлого века. Не менее двух десятков выставок посвящено волшебной природе, архитектуре, людям архипелага. Хочу напомнить два близких для меня имени. Это Александр Михайлов и Алла Власенко. Тончайший акварелист и завораживающий живописец. В сентябре 1988 года в Петрозаводске их валаамскому творчеству была посвящена выставка «31/2».

Петр Николаевич Вакулин. Удивительный по своему выбору жизненного пути человек. Изначально его делом было защищать Родину. Офицер Советской армии. Вышел в запас в звании подполковника. Побывав на Валааме, понял, что если раньше Родину защищал, то теперь должен о ней рассказывать. Решение стать экскурсоводом он принял в довольно зрелом возрасте. И это говорит о его главной приверженности – любви к своей стране. В структуре музея был отдел научной пропаганды, занимавшийся накоплением материалов по истории острова и проведением экскурсий. В сезон съезжались гиды из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, подготовленные на специальных курсах и при наличии высшего образования. И Петр Николаевич пошел по этому пути. Окончил курсы. Дополнительно работал в фундаментальных библиотеках Ленинграда. Знания его были обширны. Экскурсии увлекательны. Когда я появился в музее, он был старшим экскурсоводом. Авторитет его был непререкаем. Я уже рассказывал, как мы вдвоем вели экскурсию для целого теплохода и его замечаниях Жаку Кузнецову.

А вот еще один курьез. Нам с Петром Николаевичем было поручено организовать курсы экскурсоводов в Ленинграде. Найти помещение, пригласить преподавателей, набрать слушателей, составить расписание. Была поздняя осень 1986-го. Теплоходы навигацию закончили. Связь

с материком через Сортавалу, куда я и прибыл. Переночевав в гостинице в многоместном номере, за отсутствием других, рано утром ушел на вокзал. В Ленинграде меня встретил Петр Николаевич. Идем по перрону Финляндского вокзала. Навстречу два милиционера:

- Вы Воробьев?
- Я.
- Пройдемте.
- ...?

Как оказалось, в гостинице у одного из постояльцев номера, где я ночевал, пропал бумажник. Поскольку я был первым, покинувшим ранним утром гостиницу, то и стал подозреваемым. Пока шла разборка ситуации, раздался звонок из Сортавалы и сообщили, что все нашлось. Выслушав извинения, мы пошли работать.

Курсы были организованы и благодаря кураторству П.Н. Вакулина прошли очень успешно. Остров получил новое поколение энтузиастов-краеведов, несущих историю страны людям.

Несколько слов об экскурсоводах музея. Жили они на Красном скиту без особых удобств. Здесь швартовались пароходы, здесь было самое оживленное место. Жилье в кельях и деревянных домиках бывшей турбазы, немудрящую мебель, постельное белье, дрова, обогреватели предоставлял музей. Быт обустроивали сами. Но жалоб и претензий не было. Почему эти ребята с мая по октябрь «обрекали» себя на суровую жизнь на суровом острове? Они были фанатами этого волшебного мира. Его подданными, его служителями. Большинство приезжающих смотрят на остров как на любопытное, но чужое место. Для них это была малая родина. Они исходили и изучили архипелаг. Знали его островки и острова, проливы и протоки, озера и озерки, природу и животный мир. Чем больше они узнавали, тем крепче становилась их связь с «Жемчужиной Ладоги».

Валентин Александрович Черепанов был первым директором музея. Название музея, основанного в 1979 году, менялось. Вначале это был филиал Карельского государственного краеведческого музея. Затем получил самостоятельность как историко-культурный музей-заповедник. В 1982-м произошла реорганизация с присвоением статуса Валаамского государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Начальная стадия, когда формировалась структура, была самой сложной. Штатная единица – цифра в реестре. Ее надо одушевить. Да так, чтоб была польза для большого государственного дела. С экскурсоводами

вопрос не стоял. Отдел был укомплектован. А вот строительно-реставрационный, природный, фондов и хранения и, наконец, хозяйственный отделы требовали специалистов. Валентин Черепанов выполнил блестяще задачу. Практически все ключевые заведующие отделами Т. Левиаш, Л. Гусева, В. Рудин работали до закрытия музея. А В. Рудин возглавлял Валаамский научно-исследовательский церковно-археологический и природный музей-заповедник. Последний директор ликвидированного музея.

Борис Никифорович Голяшов – капитан всей музейной флотилии. Вначале это были небольшое судно «Волна» и деревянный МРБ (малый рыболовный бот). Потом появились МСП (малый сетеподъемник) и ССП (средний сетеподъемник). Суда хоть и рыболовные, но очень хорошо были приспособлены к хозяйственной деятельности. Ходили они по графику, и Борис Никифорович вполне справлялся с командованием всей техникой. Правой рукой капитана был старший механик, или, как говорят на флоте, «дед» Василий Иванович Фроленков. Команда слаженная и надежная. Борис Никифорович в прошлом соловецкий юнга. Современник и однокашник В. Пиккуля и Б. Штоколова. Много повоевать не получилось, но хлебнул «мальчик с бантиком» в полный рост. По натуре человек строгий, собранный, всегда готовый выполнить поставленную задачу. При необходимости ходил по Ладоге и в крутые шторма. А необходимость возникала неожиданно. Тяжелая болезнь – надо спасти человека. А то вдруг роды. Надо роженицу доставлять на материк. Регулярные рейсы остров-материк-остров. Доставка необходимых грузов. Зимний завоз, чтоб жители уверенно перезимовали. Все это были их задачи. И они с Василием Ивановичем все четко выполняли. Просто необходимые люди.

Летом 1985-го появились на острове два паренька Юра Иванов и Паша Чемырев. Демобилизованные из армии. Отслужили. Услышали об острове во время службы и решили побывать. Пришли и решили остаться. Работа нашлась по специальностям. Один электрик, второй механик. Паша прожил годы до ликвидации музея. А Юрий параллельно с работой учился и стал начальником Валаамской электростанции. При нем прошла реконструкция электроснабжения. Был проложен кабель с материка. Природа острова избавилась от вредоносных разливов топлива, завозимого и перегружавшегося в емкости хранилища станции.

Игорь Георгиевский. Скульпторы ваяют, художники пишут, музыканты создают. Что же делают фотографы? Фиксируют? Вот про Игоря так не скажешь. На мой взгляд, он художественно создает изваянные окружающим миром шедевры. Кому интересно, может спокойно при помощи поисковика восхититься его работами в интернете.

В 1985-м в штате музея появилась вакансия фотографа. Он был приглашен для фиксации музейных экспонатов и повседневной жизни заповедника. В архивах обширный материал его работы в годы жизни музея. С тех пор идет совершенствование его таланта фотохудожника. Он и сегодня ведет фотолетопись карельской истории, работая в Научном центре РАН. Его интересы широки: история, живопись, графика, древние наскальные изображения, петроглифы. Все это отражено в его творчестве. Большое место в творчестве занимает природа всех уголков страны, где он побывал.

P.S. Магнетизм Валаама несомненен. Побывав, трудно не вернуться. Хочу заметить это для тех, кто хотя бы немного поучаствовал в жизни архипелага. Для туристов и паломников это другой формат: или любопытство, разбавленное отдыхом, или вера, совмещенная с трудничеством. Это сейчас – во время монастыря. Во времена, когда музей готовил основы для его очередного возрождения, доводил историю его до жителей большой страны, начинал реставрацию святынь,

берег природные ресурсы архипелага, все выглядело по-иному. Сначала остров освободили от его позора – учреждения, интернировавшего людей с физическими недостатками. Отправили их на материк с комфортными условиями жизни. Затем ликвидировали турбазу как рассадник безнравственности и экологического вреда. Пришли люди с хорошим образованием, значительной степенью культуры, приверженцы высокой миссии Валаама: нести духовность и воспитывать. По сути, подвижники, поскольку делали свою работу в условиях суровых и за небольшие деньги. Есть какая-то закономерность в их появлении. Приехал на турбазу отдохнуть. Приехал на сезон поработать. И всё. Его магнитом тянет побывать еще и еще. Или остаться. Однако так происходит не со всеми. Видимо, те, кто остается, отмечены высшим знамением. Поэтому я их и назвал легендами. По сути, это предтечи той пышности и торжественности, которой Валаам наполнен сегодня.

□

Олег Георгиевич ВОРОБЬЕВ

родился в 1941 году в г. Сухуми (Абхазия).

Окончил Высшее военно-политическое училище

Советской армии и Военно-морского флота.

Культуролог.

Пишет прозу.

Занимается туристским бизнесом.

Действительный член Международной

и Национальной академий туризма.

Автор теоретических статей по внутреннему туризму.

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

